

*В.В.Попов,
доктор экономических наук,
Академия народного хозяйства*

О перспективах макроэкономической стабилизации

Я намеревался выступить на тему "Общие перспективы стабилизации, или перспективы общей стабилизации", но остановлюсь только на одном моменте этой темы, а именно на перспективах макроэкономической стабилизации, или же на вопросе о том, как нам справиться с инфляцией. Существуют две точки

зрения по этому вопросу, и обе они сегодня на нашей конференции прозвучали: одна — в докладе Андрея Клепача, другая — в докладе Сергея Аукуционека. Причем эти точки зрения, в общем, известны, их придерживаются и западные, и наши экономисты.

Первая точка зрения — монетаристская, ее отстаивают А-Ослунд, Д.Сакс, Международный валютный фонд, а среди наших экономистов и политиков — Егор Гайдар, Борис Федоров, Андрей Илларионов. Согласно ей, наша инфляция — монетарная, и бороться с ней надо монетарными методами, ограничивая темпы роста денежной массы. Действительно, такая высокая инфляция, как у нас, собственно говоря, только и может быть монетарной. Д.Сакс и А.Ослунд идут настолько далеко, что даже предлагают зафиксировать наш валютный курс, привязав его, скажем, к доллару, с тем чтобы дать экономике хотя бы номинальный якорь и, таким образом, привязать нашу денежную эмиссию к денежной политике какого-то ответственного правительства. Самый сильный аргумент заключается в том, что это оказалось возможно в других странах, очень на нас похожих, — восточноевропейских, а также прибалтийских. Недостаток данной точки зрения или причина, по которой она вызывает сомнения, в том, что фактически наша инфляция, как и в других странах СНГ, объясняется в этом случае только ошибками Правительства или ошибками избирателей, которые такое Правительство выбрали. Но объяснение такого, довольно распространенного и к тому же длительного во многих странах процесса, как высокая инфляция, только глупостью политиков или электората не представляется убедительным.

Так или иначе, вторая, противоположная точка зрения исходит из того, что наша инфляция — структурная, и если мы будем ограничивать денежную массу, то добьемся не ее сокращения, а кризиса неплатежей и падения производства. Ряд западных экономистов (в частности, Маккинан, Сапир, Прива) считают, что современная русская инфляция уникальна, что ее пока еще нет в учебниках, хотя она скоро туда попадет. У нас такой точки зрения придерживаются практически все политики и многие экономисты — от Шаталина (в докладах фонда "Реформа") до сотрудников экспертного института Российского союза промышленников и предпринимателей. Все министры нынешнего кабинета, наверное, исходят именно из этого, а Черномырдин вошел в историю не только своим высказыванием: "Хотели как лучше, а получилось как всегда", но и "немонетарными методами борьбы с инфляцией". Суть данной точки зрения в том, что надо создавать нормальный рынок, рыночную инфраструктуру. А до тех пор, пока у нас рынка не будет, все денежные ограничения приведут либо к кризису неплатежей, либо к падению производства. Мол, нормальный рынок связан с факторами, которые обеспечивают инфляцию издержек, свободное увеличение капитала и перераспределение ресурсов между отраслями и регионами (с монополиями, профсоюзами и др.). Пока у нас этого не будет, пока рыночная инфраструктура не будет работать, все попытки борьбы с инфляцией с помощью шокотерапии обречены на провал.

Строго говоря, я склоняюсь к первой точке зрения и попытаюсь привести некоторые аргументы в ее пользу, хотя во второй позиции тоже есть рациональное зерно и моменты, которые первая точка зрения не объясняет. Самый сильный аргумент в пользу первой точки зрения

состоит в том, что если страны Восточной Европы и Прибалтики отличаются от России в отношении монополий, то в худшую сторону, потому что там рынки меньше. Профсоюзы у них сильнее, ведь у нас они практически никакого воздействия на зарплату не оказывают. Уровень развития рыночной инфраструктуры примерно схожий, в степени мобильности ресурсов между отраслями и регионами тоже принципиальных различий нет, и все-таки они сумели снизить инфляцию. Второе доказательство состоит в том, что существует четкая зависимость между темпами роста денежной массы и цен, а такой же зависимости между темпами роста денежной массы и производства либо нет, либо она гораздо слабее. Сочетая корреляцию с разными временными лагами, в принципе можно установить зависимость между чем угодно. Но, во-первых, это не доказывает наличия причинно-следственных связей, а, во-вторых, даже с учетом лагов корреляция между денежной массой и ценами гораздо сильнее, чем между нею и производством.

О дефиците денег (на который указывал Андрей Клепач) можно говорить, что он есть и что его нет. Но рост скорости обращения денег в реальном исчислении не свидетельствует о наличии дефицита денег.

Клепач отмечал, что в ходе кризиса 1929—1930 гг. скорость обращения денег на Западе была существенно ниже, чем у нас сейчас. В общем, рост скорости обращения денег в период высокой инфляции — совершенно нормальное явление. Странно не то, что у нас так быстро растет скорость обращения денег, а то, что она растет медленно, потому что в начале 20-х годов при инфляции, сопоставимой с нашей, рост скорости обращения денег был существенно выше. В условиях высокой инфляции люди, естественно, стараются избавиться от денег, тем более когда есть такой хороший субститут, как доллар (в 20-е годы это был червонец). В результате происходит долларизация экономики. Странно то, что рост скорости обращения денег идет довольно медленно. По сравнению с уровнем 1985 г. она пока что повысилась в четыре-пять раз, если я правильно помню цифры. А в начале 20-х годов при примерно схожей инфляции рост скорости денег (по налично-денежной массе) за три-четыре года составлял десять раз.

Однако во второй точке зрения тоже есть рациональное зерно. В чем оно состоит? Не в том, что у нас монополии, профсоюзы и рыночная инфраструктура существенно отличны от восточноевропейских или прибалтийских. В принципе они такие же, поэтому нет оснований утверждать, что наша инфляция — это инфляция издержек. Однако есть как минимум несколько факторов, которые делают макроэкономическую стабилизацию в России более сложным делом, чем в названных странах. Первый — это расколотость общества и отсутствие консенсуса, с одной стороны, в масштабе общества, а с другой — между политическими партиями, парламентом и Правительством, но главное — среди групп давления, контролирующих экономику (ТЭК, ВПК и АПК). Они не могут договориться между собой.

Если Правительство слабое, не может противостоять крупным группам давления, то ему приходится со всеми соглашаться. Военные просят денег — приходится давать, машиностроители просят денег — тоже приходится давать. В Китае консенсуса также нет, но там есть сильное правительство, которое может прижать любую

группировку, какой бы сильной она ни была. В развитых демократиях есть механизм выработки консенсуса. У нас же консенсуса нет, и в этом смысле инфляция выступает как своего рода предохранительный клапан. Немного утрируя, можно сказать, что если бы ее не было, то борющимся силам приходилось бы напрямую "выяснять отношения" и приходиться к согласию, как сократить расходы и увеличить налоги. Но прийти к такому согласию они пока не могут, и, очевидно, в перспективе тоже не смогут. Если нет механизма выработки согласия или по каким-то причинам она невозможна; то, чтобы не доводить дело до гражданской войны (я уж совсем утрирую, чтобы было понятно, что я имею в виду), лучше тогда уж пусть будет инфляция. Ведь от нее никто не умирал.

В долгосрочном плане она подрывает экономику, но в краткосрочном плане, в ближайшие несколько лет, возможно, это меньшее зло, чем прямая конфронтация между группами давления, которая может привести к конфронтации в обществе.

Второй фактор — сбор налогов. Сильные авторитарные правительства хорошо собирают налоги. В Советском Союзе собиралось налогов порядка 50% ВВП, сейчас в России собирается 25% ВВП. Даже с поправкой на пенсионные и внебюджетные фонды все равно получается резкое сокращение сбора налогов по отношению к ВВП. Сомнительно, что мы вообще сможем в обозримом будущем собирать больше налогов, чем 25—30% ВВП, потому что рост теневой экономики беспрецедентен, в странах Восточной Европы и Балтии аналога этому явлению нет.

Причина этого — другой вопрос, но есть сомнения в технической возможности собрать налоги, поэтому в наличии альтернативы — либо высокие налоги, либо высокая инфляция. Высокие налоги у нас все равно не приведут к росту поступлений в бюджет из-за теневой экономики, доля которой, судя по доле наличных денег в операциях бизнеса, составляет как минимум 25%.

Наконец, третий фактор — специфическая реакция предприятий на спросовые ограничения, о которой говорил, в частности, Сергей Аукуционек. Действительно, ее объясняют по-разному. Монетаристы объясняют подобную реакцию тем, что Правительство непоследовательно, что оно не принуждает предприятия выполнять его требования. Поэтому директора не верят, что Правительство в следующий раз, когда оно обещает макроэкономическую стабилизацию и будет решительно настроено, предпримет по отношению к ним жесткие меры, прежде всего банкротство.

Кстати сказать, в Восточной Европе тоже особых банкротств не было, но стабилизация там была достигнута. И объясняют ее, помимо прочего, тем, что трудовые коллективы имеют такой приоритет, как сохранение занятости, а вовсе не заботятся об увеличении прибыльности и заработной платы. Действительно, в России занятость "снизилась на 5%, а производство — больше, чем наполовину. В других странах не наблюдается такого соотношения. Объясняется оно криминализацией нашей экономики, когда чиновникам дают взятки за то, чтобы они закрывали глаза на неплатежи, у нас это больше распространено. Объясняется это и нашей экономической культурой, в рамках которой было необязательно платить долги, чтобы иметь репутацию порядочного человека.

Практический вывод из этого следующий. Видимо, по ряду причин моментально справиться с инфляцией при помощи шокотерапии у нас нельзя. Единственно возможным является последовательный, постепенный подход к снижению инфляции, хотя в каких-то отношениях он может быть и более болезненным, чем шокотерапия. Этот подход должен быть последовательным в том плане, чтобы борьба не проходила волнами, когда сначала мы стремимся довести инфляцию до нуля, затем наталкиваемся на кризис неплатежей, начинаем бороться с ним, после чего инфляция снова поднимается и т.д. 1% инфляции на следующий год — это, конечно, цель нереальная. Хотелось бы, чтобы к концу следующего года цели экономической политики стали менее радикальными, но более последовательными.